Германия vs Франция: претензии с обеих сторон Рейна

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

Новостные ленты полнятся сообщениями о противоречиях между Парижем и Берлином. Позиции сторон расходятся по самым разным вопросам, а политики допускают все больше публичной критики в адрес друг друга. Складывается впечатление, что отношения Франции и Германии оказались в кризисе. Если это так, то насколько он серьезен и какие последствия может иметь?

Содержание

1 Украина, ВПК, субсидии…
2 Французско-германские разногласия традиционны
3 Кризисы системы, идентичности и политического лидерства

Даже из наиболее свежих сообщений СМИ можно сделать вывод о том, что между Берлином и Парижем пробежала черная кошка. Пожалуй, наиболее ярким и резонансным сюжетом сейчас выглядит ставший публичным спор по поводу стратегии Европейского союза и НАТО в отношении российско-украинской войны. В конце февраля Эмманюэль Макрон ошеломил мировую общественность и большинство своих союзников намеком на возможную отправку западных войск в Украину. «Ничего нельзя исключать», – **заявил** французский президент, отвечая на вопрос о перспективах непосредственного участия военных из стран НАТО в боевых действиях на украинской территории. Он добавил, что «возможны любые варианты действий, если они помогут достигнуть нашу цель», которая заключается в недопустимости победы России.

Украина, ВПК, субсидии...

Эти слова прозвучали по итогам парижской **конференции**, где обсуждались варианты дальнейшей поддержки Киева. Как оказалось, опция с возможным направлением западного личного состава действительно затрагивалась, ее инициировал сам Париж. Однако большинство участников дискуссии выступили против того, чтобы обсуждать ее всерьез, и уж тем более не делегировали французскому президенту полномочий делать какие-то публичные заявления по этому поводу. Резко негативно в НАТО отреагировали и на предшествовавшее этому **прощупывание** почвы со стороны главы Генштаба Франции. Поэтому слова Макрона на пресс-конференции по итогам встречи вызвали, мягко говоря, удивление самих участников и привели к волне опровержений. Наиболее настоятельно и даже резко высказались в Берлине.

Так, канцлер ФРГ Олаф Шольц **подчеркнул**, что на украинской земле не будет войск из стран ЕС и НАТО. А вице-канцлер Роберт Хабек посоветовал Франции направить усилия на увеличение объема собственных поставок вооружений Украине вместо того, чтобы делать подобные заявления. Макрон, со своей стороны, стал отвечать на критику из Берлина **высмеиванием** немецкой нерешительности: *«Многие люди, которые говорят «никогда-никогда» сегодня, это те же люди, которые говорили «никогда-никогда танки, никогда-никогда самолеты, никогда-никогда дальнобойные ракеты» два года назад»*. Вспомнил он и про изначальные планы немецкого руководства ограничить помощь Киеву поставками «спальных мешков и шлемов».

Заочная словесная дуэль по этой теме обострилась еще больше после того, как 5 марта Макрон **призвал** европейцев «не быть трусами» в вопросе защиты Украины. Ему тут же ответил министр обороны Германии Борис Писториус. По его мнению, разговоры о направлении войск в Украину и о «необходимости большей или меньшей смелости» лишены смысла: *«Это на самом деле никак не помогает решить проблемы, связанные с поддержкой Украины»*.

> Наверняка, это не последний обмен колкостями между двумя ключевыми столицами Европейского союза.

Тем и поводов для этого хватает и помимо Украины. К примеру, Берлин и Париж занимают различные позиции в вопросах развития военно-промышленного комплекса ЕС, которые сейчас становятся чуть ли не главными на повестке для объединенной Европы. Показательно, что представленный Еврокомиссией на прошлой неделе план поддержки европейского ВПК не включает ранее

анонсированной идеи выпускать оборонные бонды ЕС. Причина – расхождения между Францией, которая вместе с некоторыми другими государствами-членами поддерживает идею, и выступающей против нее Германией.

Также германо-французские противоречия **блокируют** реформу внебюджетного механизма «Европейского фонда мира», который используется в том числе для частичной компенсации расходов стран-членов ЕС, направляющих вооружения Украине. Не находят Париж и Берлин общего языка и по теме **субсидирования** цен на электричество для промышленных предприятий, этот спор длится уже несколько лет.

Французско-германские разногласия традиционны

В самом ЕС раздается все больше обеспокоенных голосов о том, что разрастающиеся претензии с обеих сторон Рейна имеют негативные последствия за пределами границ Франции и Германии. Как **выразился**, например, глава Европейской народной партии Манфред Вебер, «Шольц и Макрон раскалывают Запад». Особенно чувствительным этот сюжет выглядит на фоне очевидных и безвозвратных изменений системы международных отношений и необходимости ЕС искать собственное место в трансформирующемся мире.

Однако наблюдаемые трения между Парижем и Берлином не выглядят чем-то уникальным и не соответствующим исторической норме. Отношения между этими столицами на протяжении многих веков были центральными для материковой Европы. Их способность находить общий язык традиционно обусловливала мир и развитие континента, а конфликты между ними часто оборачивались общеевропейскими потрясениями. При этом они всегда, даже в самые спокойные времена, конкурировали не только в материальной сфере, но и за возможность оказывать определяющее интеллектуальное влияние на другие европейские страны и народы. В этом смысле можно с некоторой натяжкой сказать, что уникальность германо-французских отношений остается неизменной, даже с учетом кардинально отличающихся эпох.

Специфика политики каждой из столиц исторически определялась, главным образом, отличиями в их геостратегическом положении, как в отношении друг друга, так и в целом. Франция столетиями **выступала** в роли своего рода защитника малых и слабых (до)государственных образований в Европе, особенно в контексте угроз от стремившихся к доминированию германских императоров. И делала это не по высоким моральным соображениям, а исходя из понятного геополитического интереса, который требовал ограничивать германскую мощь за

счет различных вариаций баланса сил. Разумеется, и сам Париж увлекался амбициями расширить собственную территорию, а также внеевропейские владения. Однако установка на баланс сил как средство сдерживания Берлина, несмотря на множественные неудачи этой политики, оставалась базовой.

> Очевидно, что события после Второй мировой войны несколько поменяли рамки взаимоотношений между Францией и Германией.

И это связано не с фактом тотальной капитуляции, демилитаризации и разделения последней. Главное значение имели два других фактора, которые существенно изменили динамику немецко-французских отношений в период Холодной войны. *Первый* – появление США как безоговорочной военной доминанты в Европе, которая на долгие десятилетия подавила вначале возможности, а затем и необходимость для европейских государств вкладывать большие ресурсы в развитие и поддержание значительного военного потенциала. *Второй* –существование СССР и советского блока, которые однозначно воспринимались и французскими, и западногерманскими элитами в качестве главной экзистенциальной угрозы.

В результате фокус внимания в западноевропейской политике и в двусторонних отношениях Франции и ФРГ в годы Холодной войны сузился до ключевых общих приоритетов, обусловленных структурными условиями того времени. Это, конечно же, не отменяло множества противоречий и взаимных претензий, но отодвигало их на второй план. Показательно, как быстро вокруг взаимных интересов в начале 1960-х годов **выстроили** понимание и сотрудничество генерал Де Голль и Конрад Аденауэр, хотя и их личный опыт, и еще сильно кровоточившие раны Второй мировой войны, казалось бы, этому препятствовали.

Дополнительно взаимодействию двух исторических антагонистов способствовал начавшийся процесс европейской интеграции. Уже в 1951 году Европейское объединение угля и стали фактически исключило риски будущей гонки вооружений между Германией и Францией и заложило институциональные стимулы для их более тесного сотрудничества.

С окончанием Холодной войны сближавшая Париж и Берлин советская угроза ушла. Однако продолжали действовать другие факторы, минимизировавшие их противоречия. Главным образом, сохранилось военно-политическое доминирование США в Европе, и сам Вашингтон продолжал рассматривать европейский континент в качестве внешнеполитического приоритета. Кроме того,

трансформация биполярной системы международных отношений в однополярную прошла уникально безболезненно (по крайней мере, если сравнивать с опытом предшествовавших системных трансформацией).

> Модель западных капиталистических демократий, в которую в годы Холодной войны было вписано новое качество немецко-французских отношений, оказалась триумфатором противостояния с социалистическим блоком.

И после 1991 года Запад, в том числе Франция и объединенная Германия, получил возможность увеличивать свое благосостояние за счет распространения капиталистических возможностей практически на весь мир и в крайне благоприятной для себя среде безопасности.

Такие условия также в целом позитивно сказывались на сотрудничестве Берлина и Парижа. Хотя объективные разночтения между ними все равно периодически возникали, отражая такие же объективные различия в интересах. Например, при разработке и обсуждении новых редакций Договора о Европейском союзе или других «больших» документов. Журналисты всегда **рассматривали** франзуско-немецкие споры сквозь увеличительное стекло и с особым энтузиазмом, из-за чего иногда могло возникнуть ощущение конфликтности. Но серьезных причин, по которым разногласия Берлина и Парижа могли перерасти в кризис, не было.

Кризисы системы, идентичности и политического лидерства

Было бы преувеличением утверждать, что сегодня противоречия между Францией и Германией достигли качественно иного уровня и что кризис в их отношениях неизбежен. Однако предпосылки именно для такого развития событий, в отличие от предыдущих 80 лет, действительно появляются.

Во-первых, и это самое главное, перед нашими глазами разворачивается очередная системная трансформация международных отношений. В отличие от предыдущей, после окончания Холодной войны, она не будет гладкой и безболезненной для Европы (как и для всего мира). Уже выплескиваемые в публичное пространство споры Парижа и Берлина отражают именно эту динамику. Дальше европейский континент трясти будет еще сильнее. США неизбежно будут все больше концентрироваться на главном сопернике – Китае – и будут иметь все меньше времени, ресурсов и желания, чтобы продолжать стабилизирующее доминирование в Европе.

> Кроме того, Запад в целом и особенно ЕС теряют геополитические позиции в процессе преобразования мирового порядка, что ставит перед европейскими столицами множество стратегических вопросов, думать о которых они элементарно отвыкли.

А значит – усиление противоречий между Парижем и Берлином практически неизбежно.

Тем более, что, *во-вторых*, процесс структурных трансформаций сопровождается кризисом идентичности. По крайней мере, в Германии. Эту страну становится все сложнее узнать, так как ломаются многие традиционные константы ее политики. По некоторым стратегическим темам вообще становится сложно понять, какую позицию занимает Берлин. Очевидно, что он начал поиск себя, своей идентичности в новых условиях, но пока невозможно понять, как долго этот поиск продолжится. Проблема не сводится, как кажется некоторым **комментаторам**, лишь только к нерешительности канцлера Шольца или недееспособности крайне разношерстной правящей коалиции. Она отражает глубинные причины и поэтому может проявить себя еще куда более серьезным образом.

Наконец, *в-третьих*, очевидные кризисные процессы развиваются и во Франции. Сложно сказать, являются ли они отражением таких же масштабных проблем идентичности, как в Германии, или же больше связаны с кризисом элит и политического лидерства. В последние годы мы увидели множественные попытки действующего французского президента не просто обновить политический ландшафт своей страны, но и стать своего рода новым «генералом Европы». Хотя особыми успехами Эмманюэль Макрон похвастаться не может, попытки и эксперименты с его стороны продолжаются, что и привело в последние недели к очередной волне трений с Берлином и другими союзниками Франции по ЕС и НАТО.

Наверное, лорд Пальмерстон не был бы против, если бы для характеристики президента Макрона использовали его знаменитые **слова** о Наполеоне III: *«Идеи плодились в его голове, как кролики в клетке»*. А Генри Киссинджер (также по аналогии с описанием Наполеона III), наверняка, мог бы добавить: *«Проблема заключалась в том, что за этими идеями не было никакого концептуального понимания ситуации»*. И пока нет оснований ожидать, что этот источник противоречий, пусть и не самый значимый, в ближайшее время иссякнет.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»